

УДК 67.3

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-267-282

**РАННЕФОРМАТИВНЫЙ ПЕРИОД МЕЗОАМЕРИКИ:
ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВИЧНЫХ ИНСТИТУТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Кошман В. А.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматривается подход к пониманию сущности и особенности мезоамериканской государственности. Автором предпринимается попытка применения сформулированных теоретических подходов на материалах конкретного региона и его специфики. Однако, имеется ряд проблем, которые затрудняют данное исследование. В ходе анализа различных аспектов указанной проблемы автор формирует более акцентированную модель культовых центров Мезоамерики. Критическому анализу подвергаются существующие воззрения на ольмеков Сан-Лоренсо, Веракруз и древних жителей тихоокеанского побережья Чьяпаса и Гватемалы. С опорой на археологические данные поднимается вопрос об организации общества в упоминаемых центрах. Автор делает вывод о более поступательном развитии социальной сложности, чем это выдвигается в текущих теориях. Формулируются особенности процесса повышения социальной сложности в Мезоамерике.

Ключевые слова: Сан-Лоренсо, ольмеки, Чьяпас, Соконуско, государственность, Мезоамерика.

Мезоамерика является одним из регионов, где произошло становление государственных институтов вне какого-либо взаимодействия со Старым Светом. Основные центры развития находятся в зоне тропических лесов, что представляет специфику данного региона. Одним из последствий этого является плохая сохранность материалов, в особенности органического происхождения, что существенно сокращает возможную материальную базу для исследований. Тем не менее усилиями нескольких поколений археологов были достигнуты выдающиеся результаты в восстановлении уцелевших крупиц прошлого.

Все это обусловило наш интерес к изучению материалов исследований, моделей, теорий, но и попытку сформировать некую цельную траекторию особого пути развития мезоамериканской государственности. Сразу же сделаем оговорку, что мы не ставим вопрос о моменте возникновения государства, так как мы неоднократно в наших статьях указывали на целый ряд проблем теоретического характера в данном вопросе. В результате интенсивного исследования и сбора материала по крупицам из статей, диссертаций и эссе полевых археологов, многих американских антропологов, мы встали перед проблемой острой нехватки материала, который позволил бы ответить на те вопросы, которые ведут к появлению признаков государственности. Так в исследованиях почти отсутствует археология домохозяйства. Исключение составляют долина Оахака [1] и археологический памятник Альтика в долине Мехико [2]. Данная ситуация существенно затрудняет какой-либо анализ вопроса о развитии имущественного неравенства, социальной структуры и изменении социальных ролей в рамках домохозяйства, развития ремесла и т.д.

В связи с вышеизложенным, мы разбили весь материал на цикл статей, а не уместили все в рамках одной, как ранее. Данная работа представляет собой попытку применить сформулированные нами теоретические подходы на материалах конкретного региона. При этом центр нашего внимания направлен не на поиск общего, а на рассмотрении специфики.

Другим затруднением стало разделение исследователей на школы в зависимости от исследуемого региона. Само собой, такая ситуация является обычной, так как проводить раскопки сразу многих памятников могут себе позволить лишь избранные научные центры, обладающие как необходимым финансированием, так и специалистами. Однако в изучении Мезоамерики сложились высокоавтономные друг от друга научные школы, видение которых является источником непрекращающихся дискуссий. Примером такой ситуации выступает «ольмекская проблема», на которой мы подробнее остановимся дальше.

Кроме наличия Панамского перешейка, по которому, вероятно, пришла первая керамика из Анд, а, в свою очередь, там была заимствована кукуруза, оба региона объединяет наличие высокогорной цепи, пересекающей существенную часть континента. Это предопределило, кроме общности в духовной сфере, к примеру, наличия культа гор, и такую особенность, что находки архаического периода также сконцентрированы именно в данной географической зоне в виду существенно лучшей сохранности, чем в тропических лесах. Кроме того, именно в высокогорных регионах произошло дальнейшее развитие институтов государственности, и, именно в такой области как долина Мехико возникли такие ключевые явления как Теотиуакан и тройственный союз городов ацтеков.

Это также обеспечивало жителей разнообразными ресурсами в виду высотной поясности. Среди них особо стоит выделить обсидиан – вулканическое стекло. Оно было основным материалом для орудий труда, за редким исключением центров добычи кремния вроде Колха на территории Белиза [3]. В виду его особой остроты и относительной простоты получения оно приобрело широкое распространение еще с архаического периода и имело такое значение вплоть до прихода испанцев.

Ряд характерных свойств обсидиана предопределили его ключевое значение в исследованиях – каждое из месторождений имеет уникальную характеристику сочетания химических элементов, что позволяет определить место происхождения даже мелких отщепов. В связи с этим обсидиан используется для определения меновых сетей, установление которых имели значение для связи между областями Мезоамерики. Ведущую роль в этом играет инструментальный нейтрон активационный анализ, дающий наиболее точные и релевантные результаты метод в отличие от использования портативных излучателей рентгеновского излучения.

Пришедшие в Северную Америку выходцы из Азии принесли с собой не только определенную материальную культуру, которая до нас дошла преимущественно в виде каменных орудий, но и целый ряд приспособлений к окружающей среде. Так Гильермо Окоста-Очоа указывает, что первые люди, населявшие Северную Америку, не были узкоспециализированными охотниками на крупных животных, таких как мамонт, а обладали широким спектром пищевых предпочтений [4]. Для нас это имеет значение в том, что именно отслеживание динамики изменений питания позволяет в условиях малых данных до определенной степени, в совокупности с другими факторами, исключать маловероятные сценарии и версии. Соответственно, люди

архаического периода уже заселяли все возможные экологические зоны, и, судя по материалам, обладали навыками возделывания растений, равно как и разведения собак. Любопытным фактом выступает то, что в условиях отсутствия крупных мясных животных они играли роли источника мяса для местного населения. Из-за высокоомобильного образа жизни и эксплуатации широкого спектра источников питания весьма необычным может выглядеть факт оседлого образа жизни в долине Мехико уже в VII тыс. до н.э. При этом материалы позволяют предположить наличие круглогодичного населения, активно эксплуатировавшего водные ресурсы и выращивавшего ряд растений, в том числе и кукурузу [5, с.87]. Это свидетельствует об эксплуатации природных ресурсов, которые стали основой для последующего развития начались за много тысяч лет. Итогом такого процесса стал процесс оседания населения и переход на кукурузу в качестве основного источника питания в начале I тыс до н.э., что было установлено по различным материалам, в частности в горах Тукстла и тихоокеанском побережье Чьяпаса [6, с.37; 7].

Несмотря на длительность периода окультуривания кукурузы и ее влияния на процесс оседания населения говорить об процессе, аналогичном неолитизации Ближнего Востока едва ли представляется возможным в виду ряда обстоятельств, определяющих специфику Мезоамерики. Во-первых, это сохранение высокой мобильности населения, несмотря на устойчивое повышение роли земледелия в их питании; во-вторых, это специфика среды обитания, которая способна давать разнообразные продукты питания круглогодично. Это обусловило такую специфику, как появление высокоомобильных земледельцев, присутствие которых активно видно в исследованиях осадочных отложений на дне озер в виде резкого повышения лесных пожаров и смены видов растений, а также появление пыльцы кукурузы. Дальнейшим продолжением специфики стало и то, что только к рубежу нашей эры [6, с.56], даже в таком регионе как побережье Мексиканского залива штата Веракруз, произошло окончательное оседание населения. При этом мы не затрагиваем пограничные области Мезоамерики, где такие явления наблюдались еще в колониальный период.

В связи с плохой сохранностью материала в регионе, высокой мобильностью населения архаического периода и трудностью обнаружения его следов в наиболее привлекательных для него местах, на данный момент про жизнь в данный период известно крайне мало. Как следствие модели, касающиеся данного периода гипотетичны и строятся на большом количестве предположений. Поэтому возникновение наследственных статусов, неодинакового питания, специализации ремесла неизбежно от нас ускользают, делая практически невыполнимым решение вопроса о процессе происхождения того, что появляется на тихоокеанском побережье Гватемалы и соприкасающегося штата Чьяпас, Сан Лоренцо в долине реки Коатцалькоалькос, Веракруз. Тем не менее у нас остается обсидиан и возможность определения его места происхождения. Его меновые сети в совокупности с ранними памятниками духовной культуры позволяют предполагать наличие единого комплекса верований в Мезоамерике уже к началу формативного (в исследованиях майянского региона – предклассического) периода. При этом идет речь не о наличии единой системы верований, единства богов, а о наличии общих религиозных символов, особое почитание определенных явлений, традиции употребления опьяняющих напитков из маиса. Стоит сделать замечание о том, что кукуруза в близкой к дикой форме (теосинте) первоначально выращивалась в небольших

количествах. Это, в сочетании с его низкой продуктивностью по сравнению с культурными версиями и упомянутыми нами материалами, позволяет утверждать, что его роль изначально была связана именно с употреблением опьяняющих напитков, вроде современной чичи.

Крайне кратко описав проблематику архаического периода и почти не затрагивая регион майя, который будет рассмотрен в отдельной статье, мы перейдем к рассмотрению процессов, имевших место в ранее упомянутых областях. Свое рассмотрение мы начнем не сразу с Чьяпаса, а с ряда других вопросов. Во-первых, это вопрос появления керамики, а во-вторых, это археологический памятник Ла Консентида, который представляет едва ли не единственный памятник за пределами долины Оахаки, где подобно отслеживается процесс оседания. Тем более ценно это исследование, что оно сопровождалось анализом остатков флоры и фауны, а также успешным анализом изотопного состава в останках людей.

Керамика, как один из индикаторов археологических культур часто связывается с процессом оседания населения, так как в виде ее качеств и хрупкости она плохо приспособлена для переноски с собой в рамках жизни высокоомобильных охотников – собирателей. Однако, зона тропического леса, побережья богатые водными ресурсами не требовали от населения постоянного перемещения, а, скорее, способствовали к модели перемещения между сезонными лагерями на определенной территории. И, как мы упоминали ранее, в ряде случаев можно говорить и вовсе об оседлых охотниках-собирателях. Керамические изделия появляются в Мезоамерике в начале II тыс. до н.э., причем наиболее рано (около 1900 г до н.э.) именно на побережьях Тихого и Атлантического океанов. Любопытно, что ранние находки несмотря на большое удаление между собой являются приблизительно синхронными по времени [8, с. 285]. Это свидетельствует о быстром перемещении данной технологии, видимо через меновые сети вдоль побережий, так как перевозка большого объема грузов существенно более эффективна водным транспортом, чем пешком в условиях отсутствия тягловых животных. Еще одним аргументом в пользу этого является использование керамики для добычи соли на побережье Чьяпаса и находки ее в больших количествах именно на берегах лагун рядом с маундами. С учетом того, что керамика появилась еще и в готовом виде и нет следов экспериментов с ней, это свидетельствует в пользу ее появления из Южной Америки, где данная технология появилась существенно ранее. Любопытным фактом является то, что такой регион, как регион майя перенял данное новшество существенно позднее – только к 1000 г до н.э.

Археологический памятник Ла Консентида на тихоокеанском побережье штата Оахака позволяет проследить процесс развития коммуны в раннем формативном периоде. Из исследования Гая Дэвида Хэппа видно, что данное поселение представляет сезонно посещаемое место, где происходила активный вылов рыбы и других морепродуктов. Вместе с тем, обнаружено большое количество кукурузы, а исследования изотопов углерода в костных останках позволяет предположить о высокой роли его в питании местных жителей. В этом же памятнике видно, что кукуруза применялась в ритуальном контексте, видимо сопровождавшемся активными пиршествами [9, с. 258-260]. Кроме того, на территории Ла Консентиды был возведен ряд маундов довольно крупных размеров, явно выходящих за рамки простых бытовых потребностей. Примерами последних могут выступить насыпные

холмы на в прибрежной зоне Чьяпаса в местах добычи соли и рыболовли. При этом строительство осуществлялось поступательно в течении нескольких сотен лет. Это позволяет увязать начальное развитие оседлости в связи с местами, богатыми водными ресурсами, ритуальной активностью, появлением керамики и более активным использованием кукурузы в качестве одного из продуктов питания. Видимо, ее возрастающая роль была побочным продуктом повышения производительности и урожайности выращиваемых для иных целей растений.

В указанном контексте закономерным выглядит появление одной из древнейших керамик, активного строительства маундов и следов культовой мобилизации сил, то есть активного применения коллективного человеческого труда сверх бытовых потребностей, направленных на удовлетворение потребностей, не связанных с вынужденной деятельностью, то есть принуждения со стороны элит, угроз войны или разрушительных явления природного характера, на тихоокеанском побережье штата Чьяпас и соприкасающихся территорий Гондураса. Этот регион также известен под названием Соконуско – именно так называлась провинция ацтекского тройственного союза на данном месте. Данная местность характеризуется высокоплодородными почвами, где произрастают многие важные для местных культур растения, в частности какао, которое активно использовалось в той же роли, что и маис [10, с. 526]. В период ацтекского владычества именно данный продукт был одним из основных статей поставок в пользу Теночтитлана. Регион также является достаточно необычным по своей конфигурации – это узкая полоска земли между океаном и горами, на побережье которого расположены большие болота. Стоит отметить, что характер поселений здесь также не позволяет говорить о полноценном оседании ранее рубежа II и I тыс. до н.э. [11, с. 172-173]. В отличие от других рассмотренных нами регионов, по данному имеется актуальная литература от российских ученых. Так ведущий майянист Дмитрий Беляев опубликовал свою превосходную по объему материала статью «Начальные этапы политогенеза на тихоокеанском побережье юго-восточной Мезоамерики» [12]. В связи с этим мы остановимся только на тех аспектах, которые мы рассматриваем под другим углом зрения.

Наибольший интерес представляет памятник середины II тыс. до н.э. Пасо дела Аламада, на территории которого были обнаружены не только ряд маундов, остатки керамики, но и большое количество статуэток, древнейшее на территории Мезоамерики поле для игры в футбол. Кроме существенных размеров и количества маундов привлекает внимание и высокохудожественная керамика с реалистичными изображениями. Однако наибольший интерес представляют свидетельства роста неравенства. Так авторами раскопок, к примеру, Джоном Кларком [13] делаются выводы о неравномерном распределении предполагаемых предметов престижа, что в совокупности со свидетельствами активного строительства маундов трактуется им как свидетельство наличия наследственных элит, которые и руководили данным строительством. Не отрицая наличия ритуальных специалистов тем не менее, мы не можем согласиться с тем, что материалы Пасо дела Аламада носят свидетельства наличия именно наследственных элит, по замыслу которых и строились маунды. Во-первых, переоценка одним из участников раскопок наряду с Джоном Кларком в 2002 году не выявила существенной статистической корреляции между предполагаемыми зонами [14]. Во-вторых, в силу отсутствия большего количества

убедительных доказательств приводимые оценки, при сравнении с синхронными памятниками вроде Ла Консентида, при наличии похожего комплекса признаков не обнаруживают следов устойчивой имущественной дифференциации и наличия элит. В-третьих, распределение элитных зон основывается на предположении, что на вершинах маундов жили представители элит [15, с. 73]. А в основе предметов престижа лежат преимущественно параллели с намного более поздними периодами истории, что в силу их большой временной дистанции делает их как минимум спекулятивными. В-четвертых, даже если и были бы обнаружены яркие следы наличия строго определенных предметов на вершине маундов в зданиях, напоминающих дома, это не исключает возможности проведения коммунальных ритуалов в них. В-пятых, происхождение элит объясняется в рамках теории агентов, предполагающей постоянное наличие лиц, стремящихся к продвижению и закреплению в наследственной форме своего статуса. Не исключая такой возможности, мы можем сослаться на ряд слабых мест: 1) Так как общество оставалось высококомобильным, то какой-либо фактор использования принудительной силы остается крайне маловероятным; 2) Аналогичной является и ситуация, при которой широкие зоны оставались заселенными еще более высококомобильными охотниками-собирающими, а в природных условиях контролировать население, к примеру, через управление распределение продуктов питания также является крайне неустойчивой формой организации. 3) Свидетельства появления наследственных элит на фоне устойчивой имущественной дифференциации характерны для позднеформативного периода, за исключением Сан Лоренцо, на котором мы остановимся немного позднее. 4) Также встает вопрос о том почему данные элиты не появились тогда раньше, если они могли контролировать неоседлое население. 5) Доказательства наличия признаков наследуемого статуса были подвергнуты существенным сомнениям другими исследователями [16, с. 285].

Тем самым, по нашему мнению, утверждения о наличии наследственных элит в Пасо дела Аламада являются маловероятными. Тем не менее именно эта совокупность факторов – культовая мобилизация при строительстве маундов, дальнейшее развитие института культовых специалистов, весьма вероятно, действительно выступила предпосылкой для последующего формирования таковых элит. Стоит отметить, что формирование явных признаков устойчивого наследственного статуса в других первичных центрах государственности предполагало достаточно долгий, в не одну тысячу лет, путь отхода от коммунальных практик к более индивидуализированным версиям элит и закреплению их наследственного статуса. Относительно быстро процессы, вероятно, происходили в Египте, однако там имеется прямое влияние Месопотамии, где к тому моменту имелись устойчивые признаки наследственных элит. Также, но с очень большой осторожностью, можно привести в пример ситуацию вокруг Норте Чико, когда сам факт большого объема земляных работ в течение длительного времени вызвал версии вплоть до формирования там государства. Еще стоит привести пример с Паверти Поинт [17] на территории США, когда явные охотники-собиратели активно строили маунды крайне огромных, в сотни тысяч кубических метров, при этом каких-либо следов элит и имущественного расслоения там не было найдено. Поэтому, на наш взгляд, рассматривать большие объемы земляных работ без наличия убедительного комплекса материальных свидетельств устойчивой имущественной дифференциации

населения, различного режима питания и т.п. представляется недопустимым. Конечно же можно вспомнить уникальные находки вроде погребения «золотого человека» культуры Варна на территории Болгарии, датированного V тыс., однако это скорее одинокие исключения, которые не повлекли за собой устойчивой траектории на трансформацию общества.

В Соконуско местное население несмотря на богатые и плодородные земли постоянно перемещалось из одной части региона, окруженного болотами, в другую вследствие проблем исчерпания ресурсов [18, с. 21-22]. При этом каждое предыдущее центральное поселение забрасывалось. В один из таких этапов, около 1000 г до н.э. происходит формирование нового центра, известного сейчас под названием Ла Бланка. Его особенностью является появление строгой планировки поселения, центральную часть в котором занимал маунд высотой около 27 метров, большая часть которого была скрыта в 1970-е [19, с. 923]. При этом дальнейшее развитие получили и другие черты, ранее появившиеся в данном регионе. Кроме того, весь центр был построен в короткие сроки, что предполагает наличие если и не полноценных правящих элит, то высокой степени специализации общества. И, соответственно, такое крупномасштабное сооружение в короткие сроки весьма вероятно говорит о наличии планирования и организацию работ большого (около нескольких тысяч) населения [20]. До определенной степени тут можно провести аналогию с сооружением Монте Альбана в долине Оахака, который был также построен в короткие сроки [21, с. 128], но произошло на несколько сотен лет позднее Ла Бланка. Тем самым именно в регионе Соконуско постепенно происходит формирование, если не одних первых наследственных элит, о чем на данный момент с полной уверенностью говорить невозможно, то целый ряд явлений таких как поля для игры в мяч, строительство быстрого возведение монументальных маундов, которые лишь позже появились в других частях Мезоамерики. Также на важную роль данного региона является факт наличия меновых отношений с рядом других центров высокой сложности, где данные явления появились позже, чем здесь. Так напрямую зафиксированы поставки обсидиана из близлежащих месторождений в Сан-Лоренсо, Веракруз, а в поздние периоды наличие общей символики и архитектуры у Ицапы и Чалькатцинго, рядом с долиной Мехико. Также известен памятник Кантон Коралито, где зафиксировано аномально большое количество артефактов такого же стиля, как и в Сан Лоренцо.

Тем не менее вышеуказанное не позволяет уверенно утверждать, что именно тут зародились те или иные явления, а затем они распространились в другие регионы. Ситуация с быстрым распространением керамики, наличием меновых сетей обсидиана с глубин архаического периода, позволяет утверждать об активном перемещении идей, символов, различных элементов материальной культуры на большие расстояния. Тем более такая ситуация совпадает с данными памятников раннеформативного периода, свидетельствующих о высоких формах мобильности местного населения, равно как и населения проживавшего между известными нам археологическими памятниками. Также весьма вероятно, что будут найдены еще новые памятники, которые могут удревнить даты указанных явлений. Хотя чаще всего происходит наоборот – как в ситуации с переоценками дат в Каминалхую, Гондурас, и Колха, Белиз [22].

Кроме того, высокая мобильность, в сочетании с данными о памятниках духовной культуры привела нас к предположению, что именно возрастание роли маиса в рационе людей и последующее оседание существенной части населения Мезоамерики, в сочетании с природными условиями, существенно усилили региональные различия между культурами. В раннеформативный период эти тенденции носили более слабый характер, в частности, поэтому, вероятно, следы ольмекского стиля в раннеформативный период имеют большее распространение и единство, чем в последующий среднеформативный, и тем более в позднеформативный, когда оседание приобрело еще больший размах. Ярким примером тому служат различия между Трес Цапотес, Теотиуаканом и Эль Мирадор.

В рамках рассмотрения Соконуско неизбежно всплывает и ольмекский вопрос. В частности, Джон Кларк в своей публикации 2007 года [23], в рамках очередного спора между сторонниками «материнской» и «сестринской культуры» версии соотношения Сан-Лоренсо и других памятников высокоразвитых культур, выдвинул гипотезу, что Кантон Коралито было колонией Сан-Лоренсо. Это обосновывалось на основании высокого тождества материальной культуры, поэтому данная версия была встречена волной критики, в том числе и со стороны сторонников «материнской культуры». Тем не менее, факт нахождения ряда памятников материальной культуры, преимущественно керамических сосудов и характерных «ольмекских» фигурок (формы взрослого с младенческими пропорциями и определенным выражением лица), наряду с ранее упоминавшимися, признаками свидетельствует о наличии тесной связи между Соконуско и Сан-Лоренсо. В последнем на ряде сосудов были найдены следы теобромина, вещества которое содержится в какао и отсутствует в других растениях региона [24]. Это также служит косвенным подтверждением указанного факта. Стоит отметить, что и фундаментальное по своему охвату материала исследование Бломстера 2005 года [25], послужившее катализатором нового витка споров между школами, подтверждает факт нахождения керамики из глины с побережья Чьяпаса в Сан-Лоренсо. Однако уходя в сторону от выводов коллектива исследователей, мы укажем, что это, в совокупности с нахождением следов активного использования какао в ритуальных целях, позволяет говорить о двухстороннем взаимодействии между регионами. Тем более, что всегда стоит не забывать об огромной проблеме сохранности материалов в тропиках, где даже орнаменты на керамике сохраняются плохо. А между тем именно продукты органического происхождения по всей видимости и были основными статьями обмена между Соконуско и Сан-Лоренсо.

Еще одной линией соприкосновения между ранними ольмеками и жителями в Соконуско является игра в мяч. Так в Эль Манати были найдены каучуковые мячи, где наряду с другими объектами ольмекского стиля были подвержены ритуальному захоронению [26, с. 1011]. Это свидетельствует о большом значении данных предметов для ольмеков. Другим свидетельством к тому является облачение для футбола на многотонных скульптурах из базальта, изображающих человеческие лица. Данные произведения материального искусства наряду с каменными «тронами» в виду их больших размеров и того, что данные цельные камни поставлялись для них из гор Тукстла, расположенных в нескольких десятках километрах, используются в качестве доказательства того, что в Сан-Лоренсо уже существовали наследственные элиты и правители. Также презюмируется, что именно

они и организовывали данные походы за базальтовыми блоками, равно и что они на них изображены. Несмотря на кажущуюся убедительность такой интерпретации, к ней есть один и самый главный вопрос: а какие еще есть свидетельства наличия наследственных элит в Сан-Лоренсо? При ответе на него и возникают основные проблемы, связанные с интерпретацией данного центра в качестве места возникновения имущественной дифференциации и института правителей. Несомненно, данный археологический памятник видимо и является местом зарождения и развития собственно того, что мы называем ольмекский стиль материальной культуры, которая просуществовала аж до конца позднеформативного периода. Однако мы не согласны с целым рядом интерпретаций на самом деле не такого уж и богатого комплекса материальных находок, в виду плохой сохранности материалов.

Прежде чем начать сам разбор стоит остановиться на самом понятии ольмекской культуры и самих исторических ольмеков. Во-первых, кем были по своему антропологическому типу жители данного региона, возможно судить только по оставшимся памятникам материальной культуры, так как костных останков, тем более пригодных для анализа, насколько нам известно, нет. Соответственно, несмотря на реалистичность изображений мы не можем исключить и определенной роли творческой инициативы создателей, поэтому на данный момент утверждать, что мы знаем, как в действительности выглядели ольмеки не приходится. Следует принимать во внимание и то, что материальная культура с антропологическими типами их потребителей и создателей не связана каким-либо образом – любой предмет мог использовать кто угодно, и в случае отсутствия письменных источников это остается для нас неразрешимой загадкой. Во-вторых, утверждать, на каком именно языке говорили представители данной материальной культуры мы также не можем, в виде той же самой ситуации, что и с предыдущим. Любые выводы на счет языковой группы ольмеков Сан-Лоренсо (обычно указывается Мише-Зоке) являются очень приблизительными, если не спекулятивными. Конечно же есть достаточно успешный пример расшифровки эпивольтекской письменности [27], а равно есть и памятник, по всей вероятности, тоже ранней письменности приблизительно датированный концом раннеформативного периода [28]. Однако нас это не приближает к уверенному ответу на указанный вопрос.

Исходя из указанных аргументов, говорить о какой-либо взаимосвязи какой-то определенной антропологической либо языковой группы с ольмекским стилем материальной культуры невозможно. Соответственно, любые интерпретации, трактующие только на основании нахождения предметов данного стиля как следов присутствия жителей Сан-Лоренсо являются в корне неверными. Несомненно, установить определенные корреляции можно, как путем исследования изотопов стронция в костях и эмали, которые позволяют установить регион, в котором лицо росло в детстве, так и преимущественный регион нахождения в последние годы жизни. Равным образом это возможно и путем сопоставления других остатков материальной культуры, к примеру, ярко выраженных отличий в керамике, пище и способах разделки животных, связанных с месторасположением строений анклава выходцев из Южной Месопотамии в Хачинеби, как это было сделано Джиллом Штейном [29]. Однако, увы на данный момент нет, как и исследований, так и материалов, на основании которых можно было бы делать такие выводы.

Другой проблемой является само по себе понимание ольмекского стиля. Дело в том, что собственно его типологических признаков в останках материальной культуры, таких как керамические изделия определенного стиля, фигурки, сравнительно мало среди таких же находок даже в самом Сан-Лоренсо [30]. А в раскопках остатков домов поблизости, производимых под руководством Карла Вендта, и того меньше [31]. Так как находки по стилю распространены на действительно огромной территории от района долины Мехико до тихоокеанского побережье Гондураса, то, по всей видимости, мы имеем дело с широко распространенными явлениями религиозной символики, которые были общими на столь большой территории. Сан-Лоренсо был важным центром культовой деятельности, однако насколько было велико его влияние судить весьма затруднительно. Хотя с учетом того, что в данный период отсутствуют материальные признаки наличия форм принудительного контроля, ограничения питания (что едва ли было возможно в регионе нахождения) отдельных слоев населения, едва ли его непосредственные влияние и контроль распространялись сколь-нибудь далеко и основывались на добровольной культовой мобилизации высокоомобильного населения. Конечно же, определенные формы принуждения могли иметь место, но едва ли они могли играть сколь-нибудь значимую роль в поддержании стабильности и единства общества, в ситуации высокой мобильности населения и наличия богатых природных ресурсов, не связанных с оседлым образом жизни. Поэтому скорее всего более правильным является рассмотрение ольмекского стиля материальной культуры сквозь призму понятий вроде ольмекской сферы культурного взаимодействия.

Ярким подтверждением к нашему тезису являются поселения в горах Тукстла, население которых использовало керамику тех же стилей, что и современные им жители Сан-Лоренсо. Мало того, поблизости добывался базальт для монументальных статуй. Тем не менее в Ла Хойя и других памятниках нет и намека на признаки социального расслоения, более того население хотя и возделывало кукурузу с самого начала, но существенную роль в питании она стала играть уже к концу периода Сан-Лоренсо Б, то есть в самом конце заката значимости данного памятника. Также эти поселения в данный период носили сезонный характер [6, с. 194-196].

Указанная ситуация подводит нас и к другому вопросу – о том какой характер имели поселения вокруг самого Сан Лоренсо и какие были между ними взаимоотношения. Ведь нередко для обоснования как особого места Сан-Лоренсо в прошлом Мезоамерики, так и дополнительного обоснования возможности наличия правящих наследственных элит, служит иерархия поселений.

Вокруг Сан-Лоренсо выделяют различное количество иерархии поселений, вплоть до семи [23, с. 15], что заставляет обратить внимание на указанное обстоятельство. При более детальном изучении литературы оказывается, все зависит от подсчета видов поселений. Однако у нас возникает обоснованное сомнение о том, как на таком небольшом участке земли, который явно не осуществлял принудительную власть в близлежащих горах, где находился источник ценного для них ресурса, могла быть такое множество уровней поселений. Соответственно, это обозначает, что в перечень иерархии поселений включаются временные лагеря, сезонные места обитания и так далее. С учетом того, что население носило мобильный характер, а признаков полной оседлости нет, то разумно предположить о том, что большая часть таких «поселений» носила временный характер. Также

разумно предположить, что тогда необходимо включать только строго крупные поселения, выходящие за рамки признаков небольших поселений одного – двух домохозяйств. С другой стороны, это не позволяет в полной мере исключить возможные места культовой агрегации населения, которые могли оставлять даже больше следов материальной культуры, чем места длительного пребывания в виду нефундаментального характера строений.

Другой проблемой является определение площади самого Сан-Лоренсо, так команда во главе с Циферс проделала огромную работу путем большого количества шурфов определив площадь Сан-Лоренсо в 700 га [32]. На наш взгляд, эта цифра заслуживает однозначного внимания, тем более что исследователями представлены весьма существенные доказательства наличия строений и обитания. Однако данная цифра требует одного крайне важного уточнения – неизвестно какая именно площадь была заселена одномоментно, и какая была актуальная плотность обитания на территории поселения также в конкретный момент. Датировка при производстве шурфов производилась на основании данных типологической керамики, временное разрешение которой не превышает 100 лет, то есть указанная цифра — это совокупная площадь строительства за 100 лет, и какая именно часть была заселена в конкретный момент нам неизвестно. А, учитывая вышеупомянутые факторы можно предположить, что и количество самого населения Сан-Лоренсо было подвержено большим сезонным колебаниям. То есть не исключен вариант того, что часть видимого «населения» могла быть приходящим на непродолжительный срок в течении года, в то время как остальную часть оно могло находиться на существенном удалении от поселения, а кроме того, доподлинно неизвестно насколько часто перестраивались дома. Это не исключает возможности того, что одна семья за одно поколение могла построить не только несколько строений, в которых она жила попеременно, но еще и выстроить более одного за поколения. Это в сочетании с временным разрешением керамики позволяет усомниться в любых цифрах, которые берутся из известной плотности населения в тропиках на гектар, перемножая на установленную площадь поселения. По сути, данную цифру можно уменьшать в разы.

Еще одним свидетельством в пользу наличия элит является так называемый «Красный дворец» с базальтовым столбом посередине. По этому поводу приведем аргументы сторонника теории «сестринской культуры» Фланнери: «В реальности, тем не менее, Красный Дворец всего лишь авторское наименование для аморфного клочка окрашенного гематитом песка на котором был найден монумент 57, сломанная базальтовая колонна. Она когда-то поддерживала крышу (если это то чем был монумент 57) того, что более вероятно было святилищем либо другим общественным строением, чем резиденцией вождей»[30, с. 11221]. На наш взгляд, данная характеристика является обоснованной критикой, так как явных оснований, позволяющих классифицировать данное сооружение в качестве дворца правителя нет. Представленная характеристика не исключает и другие интерпретации, к примеру, в качестве культового строения отдельной семьи, либо места отправления культа, связанного с проведением игры в мяч. Тем самым едва ли возможно учесть указанное строение в качестве признака наличия наследственных правящих элит.

Подводя итог, следует указать, что вся вышеприведенные свидетельства никоим образом не преуменьшают значения Сан-Лоренсо в качестве одного из важнейших культовых центров Мезоамерики раннеформативного периода. На наш

взгляд, в нем имеются все признаки концентрации населения и активной его участия в работах требующих привлечения членов далеко не нескольких домохозяйств. Не исключает это также и наличия элит. Однако, на наш взгляд, попытки повысить статус рассматриваемого памятника, показать его первичность в развитии по сравнению с другими центрами привели к ряду интерпретаций, которые вызывают существенные сомнения в виду отсутствия нескольких взаимодополняющих видов доказательств. Тем самым это заставляет нас усомниться не только в интерпретациях, предполагающих наличие там государства, но и наличия там явных признаков наследственных элит. С другой стороны, если рассмотреть данный памятник в его совокупности с синхронными памятниками Чьяпаса, развитием культовой активности в Ла Консентида, данными о развитии питания и характере поселений в близлежащих горах Тукстла, то можно говорить о явных следах зарождения тех условий, в которых не только стали появляться панмезоамериканские черты, но и формироваться предпосылки для появления элит. Ведь для такого перехода характерно смещение локуса внимания культовой активности в пользу меньшей доступности ритуалов, что часто выражается в появлении отдельных мест культовой активности, с ограниченным доступом и явными следами существования отдельного элитарного культа либо особого эзотерического характера в рамках более общего культа. Тем не менее, в Сан-Лоренсо таких памятников нет, зато уже в Ла Вента, исходя из появления монументальной архитектуры, захоронений огромного количества минерала престижного значения и другого, такие свидетельства становятся намного более убедительными.

Подводя итог, следует отметить, что Мезоамерика характеризуется рядом особых черт: 1) сравнительно быстрый процесс перехода к оседлому образу жизни на больших территориях; 2) длительное существование высокоомобильных форм жизни при высокой роли сельскохозяйственных культур в питании; 3) быстрое распространение явлений культовой мобилизации в виде строительства активного строительства маундов при использовании единого комплекса религиозных символов еще до начала этого процесса; 4) сохранение и поддержание единства религиозных символов на фоне регулярного товарообмена, в том числе, вероятно, продуктов сельского хозяйства; 5) высокая роль прибрежных меновых путей в быстром распространении технологических новаций, в частности, керамики; 6) основной материал для изготовления орудий труда с архаического периода распространялся путем меновых сетей на большом пространстве, с расстояниями в несколько сотен километров; 7) появление первых культовых центров на побережье в зоне тропического леса. Тем самым в период архаического и раннеформативного периодов были заложены основы для развития института наследственных элит, заданы специфические траектории развития мезоамериканской цивилизации.

Существование ряда крупных культовых центров благодаря высокой мобильности населения и наложенным меновым связям способствовало развитию схожей культуры на больших пространствах и очень разных природных условиях. В последующем, по мере оседания населения локальные особенности культуры стали играть все более преобладающую роль, что привело к культурной и политической фрагментации.

Также стоит отметить, что, по нашему мнению, различные теоретические споры о характере общества, хотя и крайне необходимы для оценки и реконструкции

древности, однако не должны уходить в сторону искусственного возвышения статуса отдельных памятников. Это, при наличии и без того сравнительно небольшого корпуса материальных свидетельств чрезвычайно затрудняет не только собственно изучение данных материалов, но и приводит к совершенно маловероятным интерпретациям. А ведь знание о том, чего наверняка не было, при такой ситуации не менее важно, чем знание позитивное.

Список литературы

1. Marcus, Joyce, and Kent V. Flannery 1996 Zapotec civilization: How urban society evolved in Mexico's Oaxaca Valley. Thames and Hudson, New York.
2. Stoner, W., & Nichols, D. (2019). The Altica project: reframing the Formative basin of Mexico. *Ancient Mesoamerica*, 30 (2), pp. 247–265. doi:10.1017/S0956536118000421.
3. C. Lohse, Jaime Awe, Cameron Griffith, Robert M. Rosenswig, and Fred Valdez, Jr. Pre-ceramic occupations in Belize: updating the Paleoindian and Archaic record, *Latin American Antiquity* 17 (2), 2006, pp. 209–226.
4. Guillermo Acosta, Laura E. Beramendi, Galia González et al. Climate change and peopling of the Neotropics during the Pleistocene-Holocene transition *Boletín de la Sociedad Geológica Mexicana* / 2018 VOL. 70 No. 1, pp. 1–19.
5. Acosta Ochoa, Guillermo. (2017). Early Agricultural Modes of Production in Mesoamerica. *Modes of Production and Archaeology*, Edition: Edited by Robert M. Rosenswig and Jerimy J. Cunningham, pp. 73–92.
6. Farming, hunting, and fishing in the Olmec world / Amber M. VanDerwarker. – 1st ed. 2006, Texas university press, 244 p.
7. Robert M. Rosenswig Amber M. VanDerwarker Brendan J. Culleton Douglas J. Kennett Is it agriculture yet? Intensified maize-use at 1000 cal BC in the Soconusco and Mesoamerica Changes at 1000 cal BC across Mesoamerica in *Journal of Anthropological Archaeology* Volume 40, December 2015, pp. 89–108.
8. John E. Clark, David Cheatham Mesoamerica's Tribal Foundations. In *The Archaeology of Tribal Societies*, edited by William Parkinson, International Monographs in Prehistory, Archaeological Series, No. 15, Ann Arbor, 2002, pp. 278–339.
9. Guy David Hepp La Consentida: Initial Early Formative period settlement, subsistence, and social organization on the pacific coast of Oaxaca, Mexico Ph.d. thesis University of Colorado, 2015, 556 p.
10. Amber M. VanDerwarker and Robert P. Kruger Regional variation in the importance and uses of maize in the Early and Middle Formative Olmec heartland: new archaeobotanical data from the San Carlos homestead, *Southern Veracruz Latin American Antiquity* 23 (4), 2012, pp. 509–532.
11. Rosenswig, Robert. (2009). The beginnings of Mesoamerican civilization: Inter-regional interaction and the Olmec. *The Beginnings of Mesoamerican Civilization: Inter-Regional Interaction and the Olmec*. Pp. 1–374. doi: 10.1017/CBO9780511674822.
12. Беляев, Д. Д. Начальные этапы политогенеза на тихоокеанском побережье Юго-Восточной Мезоамерики. IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и Нового Света : сборник трудов Международной научной конференции / Российский государственный гуманитарный университет; Д.Д. Беляев ; отв. ред. Г. Г. Ершова. – Текст : непосредственный. – М.: РГГУ, 2019. С. 69–92.
13. Clark, John E., and Michael Blake. The power of prestige: Competitive generosity and the emergence of rank societies in Lowland Mesoamerica. In *Factional competition and political development in the New World*, edited by Elizabeth M. Brumfiel and John W. Fox. Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, 1994, pp. 17–30.
14. Lesure, Richard & Blake, Michael. (2002). Interpretive Challenges in the Study of Early Complexity: Economy, Ritual, and Architecture at Paso de la Amada, Mexico. *Journal of Anthropological Archaeology*. 21. Pp. 1–24. doi: 10.1006/jaar.2001.0388.
15. Charles L. F. Knight (2016). Variation in residential prismatic blade production and status during the Early Classic at Palo Errado, Veracruz. *Ancient Mesoamerica*, 27, pp. 71–90 doi:10.1017/S0956536116000134.
16. Love, Michael. (2007). Recent Research in the Southern Highlands and Pacific Coast of Mesoamerica. *Journal of Archaeological Research*. 15. Pp. 275–328. doi: 10.1007/s10814-007-9014-y
17. Saunders, Joe. (2012). Early Mounds in the Lower Mississippi Valley. *Early New World Monumentality*. Pp. 25–52. doi: 10.5744/florida/9780813038087.003.0002.

18. Hector Neff , Paul H. Burger, Brendan J. Culleton, Douglas J. Kennett, John G. Jones Izapa's industrial hinterland: the eastern Soconusco mangrove zone during Archaic and Formative times 2016, 31 p.
19. Love, Michael & Guernsey, Julia. (2015). Monument 3 from La Blanca, Guatemala: A Middle Preclassic earthen sculpture and its ritual associations. *Antiquity*. 81. Pp. 920–932. doi: 10.1017/S0003598X00096009.
20. Love, Michael & Guernsey, Julia. (2011). La blanca and the Soconusco middle formative. *Early Mesoamerican Social Transformations: Archaic and Formative Lifeways in the Soconusco Region*. Pp. 170–188.
21. Mixtecs, Zapotecs, and Chatinos: Ancient Peoples of Southern Mexico Arthur A. Joyce Wiley-Blackwell, 2010, Singapore, 351 p.
22. Love, M. (2018). Kaminaljuyu chronology and ceramic analysis: an alternative view. *Latin American Antiquity*, 29(2), pp. 260–278. doi:10.1017/laq.2017.70
23. John E. Clark Mesoamerica's First State. In *The Political Economy of Ancient Mesoamerica: Transformations During the Formative and Classic Periods*, edited by Vernon L. Scarborough and John E. Clark. University of New Mexico Press, Albuquerque, 2007, pp. 11–46.
24. Terry G. Powis, Ann Cyphers, Nilesh W. Gaikwad, Louis Grivetti, Kong Cheong Cacao use and the San Lorenzo Olmec Proceedings of the National Academy of Sciences May 2011, 108 (21), pp. 8595–8600; doi: 10.1073/pnas.1100620108
25. Blomster, Jeffrey & Neff, Hector & Glascock, Michael. (2005). Olmec Pottery Production and Export in Ancient Mexico Determined Through Elemental Analysis. *Science (New York, N. Y.)*. 307, pp. 1068–72. doi: 10.1126/science.1107599
26. Cyphers, A. (2014). The Olmec, 1800–400 bce. In C. Renfrew & P. Bahn (Eds.), *The Cambridge World Prehistory* (pp. 1005–1025). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CHO9781139017831.068.
27. Kaufman, T., & Justeson, J. (2008). Epi-Olmec. In R. Woodard (Ed.), *The Ancient Languages of Asia and the Americas* (pp. 193–233). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511486838.013
28. Mora-Marín, D. (2009). Early Olmec Writing: Reading Format and Reading Order. *Latin American Antiquity*, 20 (3), pp. 395–412. doi:10.1017/S1045663500002777
29. Stein, G. 1999. Material Culture and Social Identity: The Evidence for a 4 th Millennium BC Uruk Mesopotamian Colony at Hacinebi, Turkey. *Paléorient* 25, pp. 11–25.
30. Flannery, Kent & Balkansky, Andrew & Feinman, Gary & Grove, David & Marcus, Joyce & Redmond, Elsa & Reynolds, Robert & Sharer, Robert & Spencer, Charles & Yaeger, Jason. (2005). Implications of new petrographic analysis for the Olmec "mother culture" model. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 102. 11219–23. doi:10.1073/pnas.0505116102
31. Carl J. Wendt A San Lorenzo phase household assemblage from El Remolino, Veracruz *Ancient Mesoamerica*, 21 (2010), pp. 116–120.
32. Arieta, Virginia & Cyphers, Ann. (2017). Etnografía, demografía y arqueología olmeca en San Lorenzo Tenochtitlán. *Arqueología*. 52. Pp. 7–26.

Koshman V. A. Early formative Mesoamerica: formation of primary statehood institutions and regional peculiarities / V.A. Koshman // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 3. – P. 267–282.

It is revised in the article that there is way to understanding nature and peculiarities of Mesoamerican statehood. Author tries to apply formulated theoretic approaches on materials of certain region and its specific. However, some problems are making research more difficult. By conducting analysis of different aspects of this problem author formulates more accentuated model of Mesoamerican cultic centers. Current views on Olmec's of San Lorenzo, Veracruz and ancient inhabitants of Pacific coast pf Chiapas and Guatemala are critically analyzed. Question of social organization in aforementioned centers is raised with the help of archaeological data. Author concludes that development of social complexity was more gradual than it formulated in current theories. Peculiarities of rising social complexity in Mesoamerica are formulated.

Key words: San Lorenzo, Olmecs, Chiapas, Soconusco, statehood, Mesoamerica.

Spisok literatury

1. Belyaev D. D. Nachal'nye etapy politogeneza na tihookeanskom poberezh'e yugo-vostochnoj Mezoameriki IX Knorozovskie chteniya: Drevnie civilizacii Starogo i Novogo Sveta : sbornik trudov Mezhdunarodnoj

- nauchnoj konferencii / Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet; Otv. red. G. G. Ershova; Sost. D. D. Belyaev. M.: RGGU, 2019. Pp. 69–92.
2. Acosta Ochoa, Guillermo. (2017). Early Agricultural Modes of Production in Mesoamerica. *Modes of Production and Archaeology*, Edition: Edited by Robert M. Rosenswig and Jerimy J. Cunningham, pp. 73–92.
 3. Amber M. VanDerwarker and Robert P. Kruger Regional variation in the importance and uses of maize in the Early and Middle Formative Olmec heartland: new archaeobotanical data from the San Carlos homestead, Southern Veracruz *Latin American Antiquity* 23 (4), 2012, pp. 509–532.
 4. Arieta, Virginia & Cyphers, Ann. (2017). *Etnografía, demografía y arqueología olmeca en San Lorenzo Tenochtitlán*. *Arqueología*. 52, pp. 7–26.
 5. Blomster, Jeffrey & Neff, Hector & Glascock, Michael. (2005). Olmec Pottery Production and Export in Ancient Mexico Determined Through Elemental Analysis. *Science (New York, N. Y.)*. 307. Pp. 1068–72. doi: 10.1126/science.1107599.
 6. C. Lohse, Jaime Awe, Cameron Griffith, Robert M. Rosenswig, and Fred Valdez, Jr. Pre-ceramic occupations in Belize: updating the Paleoindian and Archaic record, *Latin American Antiquity* 17 (2), 2006, pp. 209–226.
 7. Carl J. Wendt A San Lorenzo phase household assemblage from El Remolino, Veracruz *Ancient Mesoamerica*, 21 (2010), pp. 116–120.
 8. Charles L. F. Knight (2016). Variation in residential prismatic blade production and status during the Early Classic at Palo Errado, Veracruz. *Ancient Mesoamerica*, 27, pp. 71–90 doi:10.1017/S0956536116000134.
 9. Clark, John E., and Michael Blake The power of prestige: Competitive generosity and the emergence of rank societies in Lowland Mesoamerica. In *Factional competition and political development in the New World*, edited by Elizabeth M. Brumfiel and John W. Fox, pp. 17–30. Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, 1994.
 10. Cyphers, A. (2014). The Olmec, 1800–400 bce. In C. Renfrew & P. Bahn (Eds.), *The Cambridge World Prehistory* (pp. 1005–1025). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CHO9781139017831.068.
 11. *Farming, hunting, and fishing in the Olmec world* / Amber M. VanDerwarker.— 1st ed. 2006 Texas university press, 244 p.
 12. Flannery, Kent & Balkansky, Andrew & Feinman, Gary & Grove, David & Marcus, Joyce & Redmond, Elsa & Reynolds, Robert & Sharer, Robert & Spencer, Charles & Yaeger, Jason. (2005). Implications of new petrographic analysis for the Olmec "mother culture" model. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 102. 11219–23. doi:10.1073/pnas.0505116102.
 13. Guillermo Acosta, Laura E. Beramendi, Galia González et al. Climate change and peopling of the Neotropics during the Pleistocene-Holocene transition *Boletín de la Sociedad Geológica Mexicana* / 2018 VOL. 70, No. 1, pp. 1–19.
 14. Guy David Hepp *La Consentida: Initial Early Formative period settlement, subsistence, and social organization on the pacific coast of Oaxaca, Mexico* Ph. d. thesis University of Colorado, 2015, 556 p.
 15. Hector Neff, Paul H. Burger, Brendan J. Culleton, Douglas J. Kennett, John G. Jones *Izapa's industrial hinterland: the eastern Soconusco mangrove zone during Archaic and Formative times* 2016, 31 p.
 16. John E. Clark, David Cheatham *Mesoamerica's Tribal Foundations*. In *The Archaeology of Tribal Societies*, edited by William Parkinson, pp. 278–339. *International Monographs in Prehistory, Archaeological Series*, No. 15, Ann Arbor, 2002.
 17. John E. Clark *Mesoamerica's First State*. In *The Political Economy of Ancient Mesoamerica: Transformations During the Formative and Classic Periods*, edited by Vernon L. Scarborough and John E. Clark, pp. 11–46. University of New Mexico Press, Albuquerque, 2007.
 18. Kaufman, T., & Justeson, J. (2008). Epi-Olmec. In R. Woodard (Ed.), *The Ancient Languages of Asia and the Americas* (pp. 193–233). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511486838.013
 19. Lesure, Richard & Blake, Michael. (2002). Interpretive Challenges in the Study of Early Complexity: Economy, Ritual, and Architecture at Paso de la Amada, Mexico. *Journal of Anthropological Archaeology*. 21. Pp. 1–24. doi: 10.1006/jaar.2001.0388.
 20. Love, M. (2018). Kaminaljuyu chronology and ceramic analysis: an alternative view. *Latin American Antiquity*, 29(2), pp. 260–278. doi:10.1017/laq.2017.70
 21. Love, Michael & Guernsey, Julia. (2011). La blanca and the Soconusco middle formative. *Early Mesoamerican Social Transformations: Archaic and Formative Lifeways in the Soconusco Region*. Pp. 170–188

22. Love, Michael & Guernsey, Julia. (2015). Monument 3 from La Blanca, Guatemala: A Middle Preclassic earthen sculpture and its ritual associations. *Antiquity*. 81. Pp. 920–932. doi: 10.1017/S0003598X00096009.
23. Love, Michael. (2007). Recent Research in the Southern Highlands and Pacific Coast of Mesoamerica. *Journal of Archaeological Research*. 15. Pp. 275–328. doi: 10.1007/s10814-007-9014-y
24. Marcus, Joyce, and Kent V. Flannery 1996 *Zapotec civilization: How urban society evolved in Mexico's Oaxaca Valley*. Thames and Hudson, New York.
25. *Mixtecs, Zapotecs, and Chatinos: Ancient Peoples of Southern Mexico* Arthur A. Joyce Wiley-Blackwell, 2010, Singapore.
26. Mora-Marín, D. (2009). Early Olmec Writing: Reading Format and Reading Order. *Latin American Antiquity*, 20 (3), pp. 395–412. doi:10.1017/S1045663500002777
27. Robert M. Rosenswig Amber M. VanDerwarker Brendan J. Culleton Douglas J. Kennett Is it agriculture yet? Intensified maize-use at 1000 cal BC in the Soconusco and Mesoamerica Changes at 1000 cal BC across Mesoamerica in *Journal of Anthropological Archaeology* Volume 40, December 2015, pp. 89–108
28. Rosenswig, Robert. (2009). The beginnings of Mesoamerican civilization: Inter-regional interaction and the olmec. *The Beginnings of Mesoamerican Civilization: Inter-Regional Interaction and the Olmec*. Pp. 1–374. doi: 10.1017/CBO9780511674822.
29. Saunders, Joe. (2012). Early Mounds in the Lower Mississippi Valley. *Early New World Monumentality*. Pp. 25–52. doi: 10.5744/florida/9780813038087.003.0002.
30. Stein, G. 1999. Material Culture and Social Identity: The Evidence for a 4 th Millennium BC Uruk Mesopotamian Colony at Hacinebi, Turkey. *Paléorient* 25. Pp. 11–25.
31. Stoner, W., & Nichols, D. (2019). The Altica project: reframing the Formative basin of Mexico. *Ancient Mesoamerica*, 30 (2), pp. 247–265. doi:10.1017/S0956536118000421
32. Terry G. Powis, Ann Cyphers, Nilesh W. Gaikwad, Louis Grivetti, Kong Cheong Cacao use and the San Lorenzo Olmec *Proceedings of the National Academy of Sciences* May 2011, 108 (21). Pp. 8595–8600; doi: 10.1073/pnas.110062010